

НАТАЛЬЯ КОСТИНА

НАТАЛЬЯ КОСТИНА

Только ты

Катя Скрипковская уже не похожа на ту влюбленную рыжеволосую студентку юрфака, которой Алексей изменил накануне свадьбы. Теперь рядом с ней — сильной, смелой и решительной — Тимур, Тим, единственный настоящий мужчина в ее жизни, чье предложение она так долго готовилась принять, пока не увидела его... с другой женщиной. По силам ли старшему лейтенанту милиции Скрипковской распутать сложный клубок теней из собственного прошлого? Где же он, тот принц, который навсегда прогонит эти тени? Тот, кто готов будет не задумываясь броситься в драку ради нее? Тот единственный, кто увидит за формой опера трогательно беззащитную и слабую женщину...

Она прижалась к нему изо всех сил, будто хотела спрятаться, а он — он внезапно понял: она, которая выбрала себе такую трудную, мужскую профессию и каждый день ходит в бой, из которого может и не вернуться, — она и есть та самая, единственная... его женщина. И никакой другой ему не нужно. И она, его Катя, была и бойцом, и той, которая беззаветно ждала из боя... Две женщины в одной, такой любимой. Смелой и ранимой одновременно. Прожившей два месяца рядом с тем самым пресловутым мертвым лесом — не выдуманым, а вполне настоящим. А его не было рядом.

www.ksdbook.ru

ISBN 978-5-9910-3721-1

9 785991 037211

www.bookclub.ua

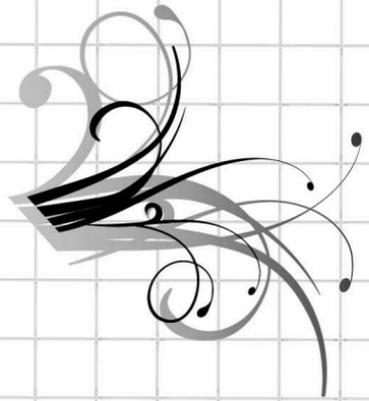
ISBN 978-617-12-1544-3

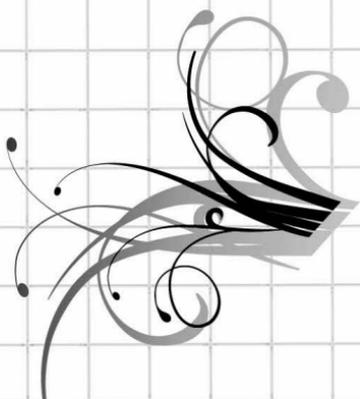

9 786171 215443

КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

Наталья Костина

Только ты

РОМАН

ХАРЬКОВ **КЛУБ**
БЕЛГОРОД **СЕМЕЙНОГО**
2016 **ДОСУГА**

УДК 821.161.1
ББК 84(4Укр=Рос)
К72

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

ISBN 978-617-12-1544-3 (Украина)
ISBN 978-5-9910-3721-1 (Россия)

- © Костина-Кассанелли Н., 2016
- © Shutterstock.com / ThomsonD, обложка, 2016
- © Книжный клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2016
- © Книжный клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2016

Если бы мы слушались нашего разума, у нас бы никогда не было любовных отношений. У нас бы никогда не было дружбы. Мы бы никогда не пошли на это, потому что были бы циничны: «Что-то не то происходит», или: «Она меня бросит», или: «Я уже раз обжегся, а потому...» Глупость это. Так можно упустить всю жизнь. Каждый раз нужно прыгать со скалы и отращивать крылья по пути вниз.

Рэй Брэдбери

— Катя!

Она так резко обернулась, что сумка с силой стукнула о железный косяк подъездной двери. Бутылка дорогого вина внутри, которую она так бережно несла всю дорогу, должно быть, разбилась. Но она не стала это проверять — почему-то дыхание у нее пресеклось, а сердце длинно, противно екнуло. Да, она считала возможным, что когда-нибудь снова повстречает этого человека — человека, который не так давно, просто так, походя, разбил ее сердце. Разбил точно так же, как она сейчас эту несчастную бутылку, с которой связывала самые приятные надежды на вечер. Но... Лучше, чтобы они повстречались не сейчас. Не сегодня. И не на этой неделе. И не в этом месяце, и даже не в этом году... Говоря по совести, она больше никогда в жизни не хотела бы его видеть!

— Ты спешишь?

— Очень, — сказала Катя Скрипковская, но почему-то не сделала ни шагу в сторону своей квартиры. Ноги, которые не подводили ее никогда — даже в погоне за преступниками, — сейчас вдруг отказались двигаться.

— А я тебя здесь ждал.

— Зачем?

Когда-то, очень давно, она его тоже ждала. Здесь. День за днем, месяц за месяцем... Нет, даже не так: минута за минутой. Она прекрасно помнила, как тянулись эти минуты... такие долгие, что от рассвета до заката проходил не день — год. И следующая за таким днем ночь была еще одним годом. И как мучительно болело сердце... Тогда она и поняла, что значит выражение «разбить сердце». Этот человек и в самом деле разбил ее сердце. Хотя оказалось, что оно разбито не навсегда — напрасно она так думала. Просто очень долго заживало. Пять лет. И еще немного. Но потом... потом все прошло. Однако она все равно не хотела бы с ним встречаться. Никогда. Да, это как раз самое подходящее слово: никогда!

— Ну... повидаться захотелось. По старой дружбе.

— Дружба наша, Леша, закончилась много лет назад.

— Ты так думаешь?

Пользуясь растерянностью, он взял ее руку, легонько сжал пальцы, поднес к губам и поцеловал:

— Здравствуй, Катя...

Это уж ни в какие ворота не лезло!

— У меня руки грязные. — Она выдернула руку и сунула ее в карман.

— А ты изменилась. — Мужчина оценивающим взглядом окинул ее всю — от удобных, но безусловно элегантных и дорогих босоножек до ухоженных волос, которые снова отросли. Впрочем, он о ней ничего не знал уже очень давно и не видел, как она менялась. А она менялась, причем очень сильно: не только внешне, но больше внутренне.

Машинально Катя поправила волосы — и этот жест выдал ее волнение. Так поправляют волосы те женщины, которые хотят нравиться. Но она не хотела нравиться Лешке! Не хотела нравиться, не хотела, чтобы он сейчас стоял у того самого подъезда, под фонарем которого впервые ее поцеловал... запустив руки в те самые волосы, которые два года назад ей безжалостно обрили наголо, когда она едва не погибла от нанесенного молотком удара.

Впрочем, ему, кажется, никогда не нравились рыжие, да и к длинным ее кудрям он был совершенно равнодушен. После выздоровления она еще долго носила короткую стрижку — и именно тогда поняла, что разлюбила человека, который сейчас так галантно поцеловал ее пальцы. Разлюбила окончательно и навсегда. Память о нем как будто срезали вместе с волосами. У нее началась новая жизнь — и Лешке уже не было в ней места... наверное, к счастью. Потому что она снова влюбилась. Но на этот раз ее чувства были взаимны. А ее вновь отросшие волосы теперь помнили пальцы другого человека. Который действительно любил ее, а не ломал комедию, как когда-то ее драгоценный Лешенька! Она брезгливо отерла пальцы о носовой платок в кармане.

— Очень красивая... Еще красивее стала, — поправился нежданный визитер. — К себе не пригласишь?

— Нет, — сухо сказала Катя. — Не приглашу.

— Тогда я тебя приглашаю. Давай сходим куда-нибудь, посидим?

— Зачем?

— Ну... вспомним молодость...

— А я еще не старуха, чтобы молодость вспоминать! — Катя наконец нашла в себе силы и посмотрела мужчине прямо в лицо.

Вот *он* нисколько не изменился. Все тот же открытый взгляд серых ласковых глаз, густые, словно слегка взъерошенные волосы, мальчишеская улыбка... Ну, на эту улыбку ее уже не поймать! Слишком хорошо она знает ей цену. И в его глаза она больше смотреть не станет. Потому что там, в этих глазах, даже сейчас еще слишком много воспоминаний... и ей ни к чему снова заглядывать туда. Молодость? Она была тогда не молодой, а просто желторотой. Глупой. Доверчивой. Восторженной. Влюбленной как... как... как кошка! — припечатала Катя про себя. «Да, я была влюблена в него, как кошка!» До неприличия. До полного самозабвения. Бегала за ним. Вешалась на шею. Была слепой, глухой и... просто душой.

Ни к чему снова терзать себе душу. К тому же она помнила, как было мучительно больно... и как долго заживала эта рана... Да и зажила ли она совсем, если даже сейчас его появление вызвало такой шквал чувств?

— Я хотел сказать — нашу с тобой студенческую юность... столько хорошего у нас...

— Ты зачем явился? — не дослушав дурацкой фразы про хорошее, которое у них якобы было, в упор спросила она.

— Ну... мне казалось, что мы с тобой еще не все друг другу сказали! — Он многозначительно искривил губы; в уголке рта, очень красивого рта, заиграла ямочка.

Его губы немного загибалась кончиками вверх, отчего казалось, что он вот-вот улыбнется. Катя еще помнила и эти губы, и эту улыбку. Иногда она даже снилась ей. Вместе с его поцелуями. Слава богу, в последние два года эти сны ее больше не тревожили. Они уже не были нужны ей, его поцелуи... совсем не нужны. О них ей теперь хотелось забыть.

— Так я тебя подожду? Или все-таки поднимемся к тебе?

— Ждать меня не нужно. И у меня тебе тоже делать нечего. Да и сказали мы друг другу уже все.

— Зачем ты так... Я очень часто мысленно беседовал с тобой. Я так много хотел рассказать тебе, Катюш...

— Меньше всего мне хочется разговаривать именно с тобой, — устало перебила визитера Катя. — И если тебе чего-то там кажется, ты крестись, Леш. Еще можешь «Отче наш» прочесть. Говорят, очень помогает. А сейчас, пожалуйста, пропусти меня.

Он подвинулся всего чуть-чуть, приоткрывая проход, но она не пошла на эту уловку, понимая, что он поймает ее в дверях. Его объятия, некогда столь желанные, теперь казались ей омерзительными.

— Отойди от двери, — приказала она. Голос ее не дрогнул. Или все-таки предательски дрогнул? Скорее второе, потому что Лешка вдруг развеселился:

— А то что, применишь табельное оружие? — Глаза смотрели на нее с нескрываемым интересом, губы готовились расплыться в знакомой лукавой улыбке.

Вот теперь она действительно разозлилась.

— Пошел вон! — сказала она грубо и хлопнула дверь так, что едва не отдавила нежданному гостю пальцы.

* * *

— Ты чего такая взъерошенная? — ласково спросил Тим, приподнимая пышные рыжие волосы и целуя Катю в свое любимое место на шее — там, где завитки были почти каштанового цвета, с сильным блеском и посверкивающими золотыми искрами.

Ей повезло — бутылка не разбилась. Хотя отбивные и пригорели, когда она, задумавшись, стояла у окна и, не чувствуя запахов и звуков, погружалась все глубже и глубже в прошлое. В прошлое, будь оно проклято! Как будто это прошлое мешало ей сейчас, сегодня любить Тима... Но, оказывается, мешало! И еще как!

— Я никогда не спрашиваю, что у тебя там, на твоей работе, я просто хочу, чтобы ты расслабилась...

И она расслабилась. По крайней мере честно попыталась. Но в то время, когда большая часть ее «я» всецело отдалась воле любимых рук, где-то в глубине оставалось местечко, которое было сжато, как пружина, напряжено, закрыто, захлопнуто, наглухо задвинуто засовом... И как она ни старалась открыться, как ни пыталась полностью слиться с Тимом, с которым у нее всегда получалось, все приходило само собой — и восторг слияния, и полное раскрепощение с последующим огненным взрывом, после которого она чувствовала себя и опустошенной, и наполненной какой-то новой радостью одновременно, но...

Имитировать оргазм — противная штука. Потому что ты не только обманываешь другого, но та, казалось бы, мизерная часть, что осталась недоступной для любимого, неизмеримо разрастается, завладевает всем, грозя стать полноправной и единственной. Превратиться в Катю. Другую Катю. Из другой жизни...

Она осторожно высвободилась из рук Тима и откинулась на подушки. Во всем, что касалось их отношений, он тоже обладал повышенной чувствительностью, и сейчас не то чтобы почувствовал обман — скорее ощутил, что она нуждается в каком-то другом утешении, чем нехитрая постельная игра. Он перебирал пальцами ее густые волосы, зная, как ей это нравится, а она лежала у него на груди и слушала, как бьется его сердце... Это всегда ее успокаивало. Сердце Тима, голос Тима, глаза, лицо... такие родные — и такие непохожие на те, с которыми ей пришлось столкнуться сегодня.

Тим казался ей родным всегда — с того самого первого мига, когда она, очнувшись после многодневного забытья,

увидела у изножья своей кровати его фигуру, освещенную ярким весенним солнцем. Она вернулась тогда... И жизнь как будто началась сызнова, наступил какой-то новый отсчет, и во всем этом новом был он — Тим. Наверное, именно он и был началом, той самой точкой отсчета, с которой началось *новое*. Но как долго она думала, что она для него — всего лишь пациентка. Интересный случай. Да и на какое мужское внимание могла рассчитывать она — обритая наголо, утыканная какими-то омерзительными иголками и трубками, лежащая под простыней в одних только памперсах?..

Катя вспомнила, как после выписки Тим как-то скомканно и глядя в сторону ткнул ей в руки бумажки, где на пяти (о господи, на пяти!) страницах его четким, совершенно не врачебным, убористым почерком было перечислено все, что с нею случилось. Все, кроме одного — нового чувства. Он об этом не знал. Катя очень надеялась, что он не заметил. Она честно старалась закрывать глаза на обходах и не пялиться на лечащего врача. Тогда, в коридоре, когда он уходил, она осталась растерянная, так и не сказав ему приготовленных слов благодарности, сжимая в одной руке ворох бумажек, а в другой — дурацкий пакет со своими умывальными принадлежностями (больше ничего мама нести ей не позволила...).

А потом они с мамой поехали на море: она была такая худющая, что все пришлось купить новое! Да, она честно старалась выздоравливать... и не думать о черноволосом и черноглазом докторе Тиме, который видел, какого цвета у нее мозги... Катя хмыкнула: интересный вопрос — смогла бы она сама влюбиться в Тима, если бы, например, увидела его на операционном столе? Голого, без сознания, всего в крови... и зачем, зачем она сегодня все это вспоминает? Или сегодня просто случился день воспоминаний?

...Море было теплым, но она почти не купалась. Так — заходила по колено и плескалась в воде под строгим надзором мамы, которая считала, что дочери нужно восстановление: плавание, солнечные ванны, усиленное питание... Против усиленного питания и солнечных ванн она совершенно не

возражала — но плавание... После того как убийца проломил ей голову молотком, он пытался утопить ее в ванне. По заверениям Тима, Катя не могла этого помнить — но тогда откуда, скажите, у нее, с малых лет плававшей как рыба, появилась паническая боязнь воды?

Катя плескалась, загорала, ела, спала — и даже о своей любимой работе не думала. Хотя немного поработать все же пришлось и на отдыхе. Зато она очень много думала о докторе Тиме. Так много, что это, наверное, каким-то образом передалось и ему. И он ей позвонил. Позвонил, чтобы пригласить на свидание! Ее! Худую, бледную и почти лысую, прикрывающую бейсболкой голову, только начавшую обрастать рыжим пухом. Бейсболку эту она всегда старалась натянуть поглубже — потому что пух пока не скрывал пересекающего чуть не полголовы шрама... Кстати, и волосы в том месте так больше и не выросли. Хотя волос теперь у нее и так слишком много. Да, и Тим позвонил! И даже расстроился, когда она ответила, что сейчас она в другом городе и не может прийти. Больше всего в тот момент ей хотелось тут же уехать домой: если сесть в вечерний поезд, а еще лучше — в самолет, то можно было успеть. Однако тогда она ничего этого не сделала... да и сейчас бы тоже не сделала, если честно. Потому что, получив горький урок, она поняла: торопиться в отношениях не нужно. Или она слишком сильно обожглась с Лешкой, которому откровенно вешалась на шею? Да, вешалась — как ни больно это признавать... особенно сегодня, когда он свалился как снег на голову... и зачем, спрашивается, он к ней явился?

Катя вздохнула и крепче прижалась к Тиму. Как же им вдвоем хорошо! Если, конечно, не думать о Лешке... И сразу же, помимо воли, откуда-то из глубин памяти всплыло, как несколько лет назад она точь-в-точь так же лежала на другой груди. И тот, которого она сегодня встретила у подъезда, обнимал ее точно таким же жестом... Катя даже ощутила на себе его руки, и от этого ей стало... не страшно, нет — просто противно.

Она непроизвольно сбросила с себя ни в чем не повинную руку Тима и села в постели.

— У Лысенко горе. Дядя умер, — сказала она, сочувствуя другу и напарнику и оправдывая перед Тимом, но большей частью перед самой собой, свое отвратительное настроение.

— А что случилось?

Тим был врачом, и поэтому упоминание о какой бы то ни было болезни задевало в нем профессиональные струны, чем Катя бессовестно пользовалась, когда нужно было отвлечь его внимание от нее самой.

— Обширный инфаркт. По-моему, я правильно сказала... Инфаркт — это что-то с сердцем, так?

Она прекрасно знала, что такое инфаркт, но Тим любил поговорить на медицинские темы, и сейчас она явно хотела это спровоцировать — просто потому, что иначе он может заметить и ее напряжение, и неестественный тон, и... нет, конечно, она ему ничего не расскажет. Потому что это ему не понравится еще больше.

— Кстати, чтобы ты знала: бывает не только инфаркт миокарда, о котором все знают, но и инфаркт мозга. А вообще инфаркт может случиться практически с любым органом — с почкой, печенью, легким... короче, со всем, что может испытывать острый недостаток кровоснабжения. К такому состоянию могут привести тромб, например, или эмболия, или длительный спазм сосудов, особенно крупных. Которые называются артериями. И чрезвычайно опасно при этом еще и перенапряжение органа... я понятно говорю?

Обычно ее раздражали длительные экскурсии в медицинские дебри. Особенно тогда, когда собиралась исключительно врачебная компания и она чувствовала себя лишней. Так случилось частенько — Тим был из медицинской семьи, и это была еще одна точка напряжения между ними — вернее, между Катей и матерью Тима, или даже так: между Тимкиной матушкой и Тимом с Катей. Потому что Тим всегда был за нее горой. Катя коротко вздохнула и благодарно потерлась носом о его плечо. Ее ужасно трогали старания Тима донести до нее суть таинственного перенапряжения органов, которое так плачевно заканчивается... Она вздохнула еще раз и для раз-

нообразия потерлась о его небритую щеку. Щетина у Тима росла удивительно быстро, и, как бы тщательно он ни сбрасывал ее по утрам, вечером его щеки были шершавыми, как наждачная бумага. Однако ей нравилось в нем даже это.

— Да... из-за этого инфаркта Игорек и сам выбыл из строя. Сначала похоронами был занят, потом еще какие-то сложности... До сих пор на службе нет.

— Тебе сейчас за двоих работать придется?

Катя лишь подняла брови. Тянуть всегда приходилось за двоих, за троих и так далее... Но она не привыкла жаловаться.

— Тебе чаю принести? — спросил Тим. — Там еще вино осталось. Ты чего больше хочешь?

— Вина, — решила Катя и устроилась на подушке поудобнее.

Ей ужасно нравилось, когда Тим о ней заботился. Особенно после того, как они занимались любовью. Именно любовью, а не каким-нибудь сексом! Тот, другой, от воспоминаний о котором она никак не могла сегодня отделаться, никогда не предлагал ей ни чаю, ни тем более вина... Он вообще был больше занят самим собой, как помнится. Но она тогда была такой молодой и глупой... и так отчаянно была влюблена в него! Нет, она не хочет сейчас все это снова вспоминать!

Катя решительно тряхнула волосами, будто так можно было выкинуть из головы все неприятности, и включила бра над кроватью. Потом потянулась к лежащей на тумбочке книге. Ее принес Сашка Бухин, но за два месяца она едва одолела четверть романа. Нельзя сказать, чтобы книга была скучной. Скорее, на чтение у Кати катастрофически не хватало времени. Интересно, как Бухин умудряется читать такую прорву литературы, когда у него двое маленьких детей?

Размышляя над этим парадоксом, она незаметно закрыла глаза, и когда Тимур принес бокал вина — все, что оставалось в бутылке, — его подруга уже спала. Выражение лица у Кати и во сне осталось тем же, каким оно было, когда она думала о своей неудачной первой любви, — обиженно-озабоченным.

Тимур Тодрия, которому старший лейтенант Уголовного розыска Екатерина Скрипковская ничего о своем бывшем

(что, разумеется, было совершенно естественным) не рассказывала, приписал ее сегодняшнюю сумрачность переутомлению на работе. Он бы очень хотел, чтобы Катя сменила свою службу на что-то более спокойное и не такое опасное. Да и с матерью в последнее время у него постоянно случались напряжения именно по поводу Катиной работы. Мать хотела внуков, а Катя, по ее мнению, меньше всего подходила на роль продолжательницы рода Тодрия...

Дети пока не входили в их планы, но вот работа... Тимур считал, что работу Кате придется менять рано или поздно — и независимо от того, захочет она иметь когда-нибудь детей или нет. Ну, не женская у нее работа! Грязная, опасная, отнимающая почти все свободное время и просто... просто страшная! Но разговаривать с Катей об этом было бесполезно: она тут же замыкалась, и ее молчание грозило перерасти в отчуждение и непонимание... а он горячо желал оставаться самым близким ей человеком. И, возможно, время для такого разговора еще не пришло. Но он знал: когда-нибудь ему придется настоять на этом. А если она его не слушает? Женщины — существа упрямые... даже такие нежные и мягкие с виду. Может быть, природа, наделив некоторых женщин прекрасной внешностью, просто обязана была компенсировать ее чем-то вроде тяги к нестандартной работе или опасным приключениям?

Катя уже глубоко спала и дышала тихо и бесшумно, совсем как ребенок... а он все еще продолжал думать об этом камне преткновения в их отношениях. И пусть сейчас они слишком молоды, чтобы заводить детей, — но ведь пройдет год, два, три... пять, в конце концов! И тогда этот вопрос возникнет снова. А Катя категорически не хочет даже слышать о детях. Один раз у нее случилась задержка, и она впала в невероятную панику! А когда он хотел разрядить обстановку и намекнул, что ему лично дети очень даже нравятся, она смерила его таким взглядом... и сказала, что в данный момент это очень не вовремя!

А когда будет вовремя? Когда настанет тот самый пресловутый подходящий момент? Когда она наиграется в эти свои

криминально-разыскные игры?! Черт, да сколько ж можно, в самом деле!

Тимур даже сел на постели и залпом допил вино, которое принес Кате. Завтра же он поговорит с ней об этом! Есть, в конце концов, спокойные места: нотариальные конторы... или в архиве можно устроиться, например... И спокойно, и приходить с работы будет вовремя! Доктор Тодрия был мало знаком с правоохранительной системой и со спокойными местами, в ней имеющимися, — зато он был хорошо знаком с Катей. И понимал, что разговор на эту тему, скорее всего, закончится пшиком. Но если уж она действительно забеременеет, он ни в коем случае не позволит ей сделать что-нибудь с собой и их будущим малышом!

Вина уже не оставалось — но зато у него был коньяк. При выписке бывшие больные почему-то предпочитали в качестве благодарности подносить врачу именно коньяк. Им в их доме уже можно было мыть руки, поэтому Тимур, не жалея, налил себе сразу полстакана. Плохой был день — да и вечер не лучше... у его пациента случилось непредвиденное обострение, а Катя явно что-то скрывает... она была сильно расстроена — и причина тут вовсе не в Лысенко. А в чем тогда? Плохо, что он не сыщик... и хорошо, что он не сыщик! Потому что одного сыщика в их доме хватает с головой! Да, а вот если бы она все-таки забеременела и ушла сначала в декрет, а потом и вовсе сменила работу... хотя вероятность того, что она забеременеет, практически нулевая. Она пьет очень надежные таблетки, прописанные — вот же ирония! — его собственным другом... Может, как-нибудь подменить их? Но его любимая мисс Марпл сразу же вычислит, кто и с какой целью это сделал, и тогда серьезной разборки не миновать... И потом: она все-таки очень дорога ему... и черт с ними, с этими таблетками... пока.

Тимур вернулся в спальню и взглянул на спящую подругу: выражение лица у Кати смягчилось, губы больше не были поджаты в горькой гримасе, расправились морщинки на переносице... Осторожно поцеловав ее в висок, в то самое место, где начинался шрам — от шва, который он сам когда-то

накладывал и которого она всегда так стеснялась, — он подобрал с пола оброненную ею книгу, выключил свет и бесшумно пристроился рядом.

* * *

Черт его дернул пойти отлить именно в эти кусты! Остановись они через две секунды, машина проехала бы еще пять метров и они бы ее не увидели. Хотя все равно рано или поздно труп бы нашли и повесили на их отделение... Но хотя бы не в их смену!

Покойница лежала, бесстыдно раскинув ноги, а ее юбка задралась чуть не на голову. Из-за юбки не было видно лица женщины, и от этого почему-то было особенно жутко. Виднелись только волосы — светлые, серебриющиеся в свете полной луны, равнодушно взвизгивающей на все это с черного, бархатного сентябрьского неба в крупной россыпи звезд. Длинные белые волосы слегка шевелил ветерок, и они были словно живые, однако сжатая в кулак рука была так безнадежно мертва, что увидевший ее даже поперхнулся.

— Оп-па, — сказал старший, прочистив горло, — капец! Ну... мать твою... ее только и не хватало! Теперь... Ну точно, бл...дь, останемся без премии!

— Товарищ сержант, — тронул его за плечо второй, — а может, она того... живая еще? Может, «скорую» вызывать?

Этот недавно пришедший в их отделение щуплый салага был совсем зеленый и еще не видел того, чего насмотрелся за пять лет службы он, сержант Зозуля. Девка была мертвая — мертвей не придумаешь.

— Ну, пойдй посмотри, — саркастически разрешил он и сплюнул.

Мелкий, белобрысый рядовой милиции Костюченко осторожно подошел к трупу и заглянул женщине в лицо, отодвинув юбку.

— Задушили, похоже, — вернувшись, доложил он, судорожно сглатывая набегающую горькую слюну. — Может, маньяк?

— Типун тебе на язык, накаркаешь еще! — зло сказал его непосредственный начальник. — Ну что, бригаду будем вызывать? Бл...дь, остались мы с тобой без премии! Шестой глухарь за три месяца! И все, мать его, в нашу смену!

— А почему именно мы? — нервно поинтересовался младший.

— Другим тоже навешают пендюлей, не переживай.

— А может, по особо тяжким заберут? — с надеждой в голосе поинтересовался Костюченко. — Тут же убийство? И с изнасилованием, похоже...

— Может, и заберут... Никого не найдут, а потом скажут — Зозуля с Костюченко труп нашли и все следы затоптали! И опять мы крайние окажемся!

— Мы ж ничего не топтали!

— А нам и не надо! Знаешь, что плохому танцору мешает? Если найдут — они молодцы, премию получают. А не найдут... Эх, чего он ее не на той стороне парка замочил? Там уже не наш район...

— Товарищ сержант, — неожиданно сказал младший, — а давайте мы ее туда перевезем?

— Ты че, сдурел?.. — Сержант полез за сигаретами. — Курить будешь? — предложил он.

— Давайте.

Они затянулись. Курили молча, повернувшись спинами к трупу женщины с шевелящимися, как будто живыми еще волосами. Деревья парка стояли выбеленные полной луной и отбрасывали длинные тени. Было самое глухое ночное время — между двумя и тремя пополуночи. Сержант выбросил окурочек, вернулся к машине и посмотрел вдоль улицы. Из края в край не было никого, даже фонари не горели — их вырубил ровно в двенадцать, как и полагалось. Он вернулся назад, где находчивый Костюченко переминался с ноги на ногу, ожидая команды.

— Машину испачкаем, — неуверенно бросил сержант.

— Так крови ж нет, — почему-то шепотом сказал Костюченко. — А как лежала, так и положим...

— Стели брезент. И перчатки давай, а то наследим еще, самих посадят...

— Перчаток нет, — с сожалением доложил рядовой состав. — Давайте как-нибудь так... остороженько... Да, вот туфли ее... — Он, прихватив через край форменной рубашки, поднял с земли легкие изящные лаковые босоножки.

— Бросай сюда. И пошарь еще в кустах, чтоб ничего не осталось.

— Ага. Вот сумка. Повываливалось все...

Зозуля посветил фонарем. Действительно, сумка открылась, и содержимое высыпалось на землю, перемешалось с начавшей опадать листвой. «Должно быть, отбивалась сумкой», — подумал он.

— Иди брезент расстилай, — велел он, — а я пока соберу...

Обернув руку носовым платком жертвы, он сгреб в сумочку мелкую россыпь предметов: помаду, какие-то бумажки, ключи, пудреницу. Смартфон у покойницы был новенький, из дорогих. Оглянувшись — Костюченко возился внутри машины, — сержант быстро выключил телефон и сунул его в карман. Туда же спрятал и туго набитый кошелек — дамочка, похоже, была не из бедных.

— Цветы брать? — напарник возник из кустов с букетом.

Сержант с сомнением посмотрел на три черно-красные розы, лепестки которых по краю были покрыты позолотой. Бл...дь, и веник еще тут! Должно быть, задушенная девка возвращалась со свидания или с вечеринки.

— Может, это и не ее, — предположил он.

— А если ее? Свежие совсем...

— Все равно выбрось, — велел старший.

— А вдруг это убийца ей подарил? По букету его и найдут? Может, отпечатки на целлофане?..

— Сериалов посмотрелся? Ладно, кинь в машину, потом разберемся. Берись за тот конец. Ну, взяли!

Они донесли тяжелый сверток до высокого бордюра.

— Так, ложи пока! — скомандовал сержант, опуская на землю свой конец страшного груза.

Он еще раз выглянул на дорогу и снова увидел только пустынную улицу. Луна зашла за облако, отчего сразу стало темнее. Он быстро открыл заднюю дверь автомобиля:

— Грузим, живо!

Напарник послушно подхватил брезент, тело стукнуло о днище, и внутри у Костюченко что-то екнуло. Сержант с силой хлопнул дверью.

— Садись, поехали... И чтоб ни одной живой душе!

— Само собой, товарищ сержант...

Машина свернула в проулок, объезжая парк. Дорога здесь была плохая, вся в выбоинах. К тому же амортизаторы у старой милицейской колымаги никуда не годились. Ее трясло и подбрасывало, и труп сзади несколько раз глухо ударился головой. От этого звука младший патрулирующий почувствовал, что у него по коже бегут мурашки. Он уже пожалел, что предложил перевезти покойницу к соседям. Черт с ней совсем, с премией... теперь как пить дать будет сниться ему эта мертвая девка...

— Приехали, кажись, — мрачно сказал старший. — Я выйду посмотрю. И чтоб никому! — еще раз приказал он.

Костюченко только кивнул.

* * *

— Игорь, ты чего такой... грязный?

— Шутники! — зло сказал Лысенко, отряхивая рукав. — Только вышел на работу — и навалилось! Сутки уже не спал!

— А в мелу почему весь? — недоуменно спросила Катя.

— Да я в дежурке уснул и с дивана упал. А эти придурки меня мелом обвели.

Кате захотелось засмеяться, представив картину, как Игореша спит, упав с дивана и даже не заметив этого. «Придурков» она тоже знала очень хорошо — Бурсевич, опер из их отдела, и водитель Приходченко. Именно они дежурили сегодня вместе с Игорешком, и, должно быть, это они обвели мелом его бесчувственно спавшее тело.

— Игореша, мы тут по пиву собрались, — в кабинет Лысенко заглянул посетитель.

Літературно-художнє видання

КОСТИНА Наталія

Тільки ти

Роман

(російською мовою)

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Координатор проекту *Г. В. Сологуб*
Відповідальний за випуск *О. В. Стратилат*
Редактор *С. В. Реутов*
Художній редактор *Ю. О. Дзекунова*
Технічний редактор *А. Г. Верьовкін*
Коректор *І. В. Набока*

Підписано до друку 18.04.2018. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Literaturna». Ум. друк. арк. 18,48. Наклад 10000 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля».

Св. № ДК65 від 26.05.2000

61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а. E-mail: cor@bookclub.ua

Віддруковано у ПРАТ «Харківська книжкова фабрика “Глобус”»

61012, м. Харків, вул. Різдва, 11.

Свідоцтво ДК № 3985 від 22.02.2011 р.

www.globus-book.com

Литературно-художественное издание

КОСТИНА Наталья

Только ты

Роман

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*
Координатор проекта *Г. В. Сологуб*
Ответственный за выпуск *Е. В. Стратилат*
Редактор *С. В. Реутов*
Художественный редактор *Ю. А. Дзекунова*
Технический редактор *А. Г. Веревкин*
Корректор *И. В. Набока*

Подписано в печать 18.08.2016. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Literaturna». Усл. печ. л. 18,48. Тираж 10000 экз. Зак. №

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»

Св. № ДК65 от 26.05.2000

61140, Харьков-140, пр. Гагарина, 20а. E-mail: cor@bookclub.ua

Отпечатано в ПРАТ «Харківська книжкова фабрика “Глобус”»

61012, г. Харьков, ул. Рождественская, 11

Свидетельство ДК № 3985 от 22.02.2011 г.

www.globus-book.com

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093) 170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Высылается бесплатный каталог

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@bookclub.ua
www.trade.bookclub.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@bookclub.ua

Одесса

тел./факс +38(067)572-44-28
e-mail: odessa@bookclub.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов, художников, переводчиков и редакторов**

e-mail: publish@bookclub.ua

Зрада Олексія колись розбила серце Катерини. Тепер він хоче повернутися в її життя, а в її серці вже інший — коханий Тимур. Проте невже вона, старший лейтенант міліції, наступає на ті самі граблі, без попередження заїхавши на роботу до коханого Тимура і заскочивши його з іншою жінкою? Чому суперниця переслідує Катерину навіть на вулицях? Хто ж вона? Чи це тіні минулого заважають побачити правду?

Костина Н.

К72 Тільки ты : роман / Наталья Костина. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга» ; Белгород : ООО «Книжный клуб «Клуб семейного досуга»», 2016. — 352 с.

ISBN 978-617-12-1544-3 (Украина)

ISBN 978-5-9910-3721-1 (Россия)

Предательство Алексея когда-то разбило сердце Екатерины. Теперь он хочет вернуться в ее жизнь, а в ее сердце уже другой — любимый Тимур. Но неужели она, старший лейтенант милиции, наступает на те же грабли, без предупреждения захватив работу к Тимур и застав его с другой женщиной? Почему соперница преследует Екатерину даже на улицах? Кто же она? Или это тени прошлого мешают увидеть правду?

УДК 821.161.1
ББК 84(4Укр=Рос)

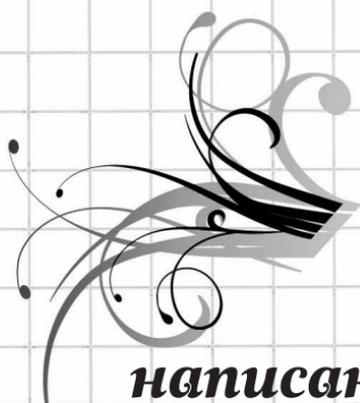
Трогательная история любви

Украина. 2014-й. Аня — волонтер-медик в военном госпитале. Егор — актер из России, поверивший пропаганде и отправившийся воевать против «хунты».

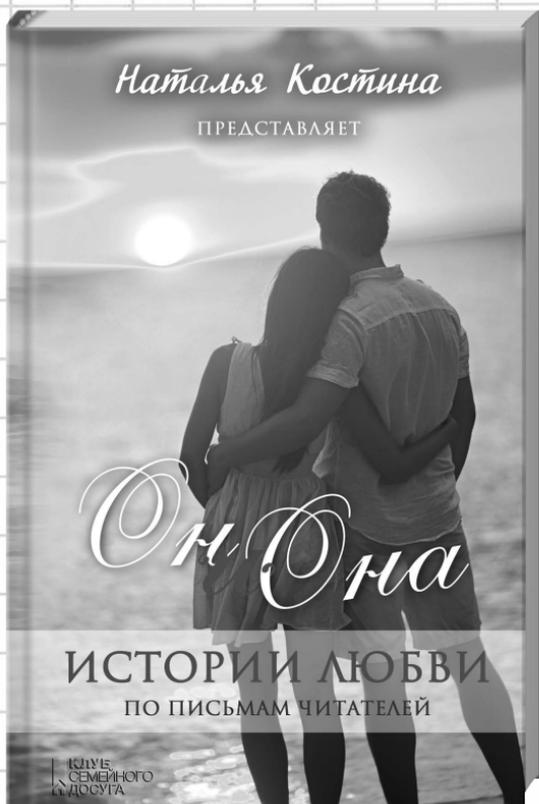
Их дорогам суждено пересечься... Когда в госпиталь привезли умирающего раненого, только мгновенная реакция Ани и ее четкие действия помогли вернуть юношу с того света. Всеми силами она боролась за жизнь незнакомца... И в ту минуту, когда Егор наконец открыл глаза и увидел над собой девушку, похожую на ангела, он понял: ему есть ради чего и ради кого жить...

Такие простые и такие жизненные истории, написанные вами, наши дорогие читатели!

Верить или не верить гаданиям под Рождество и вещим снам? Леся, которая осталась одна с ребенком на руках, уже не надеялась на чудо. Но однажды случилось то, о чем она даже не мечтала...

Александрю предложили выгодный контракт за границей. Однако он так долго добивался от Веры взаимных чувств. Что же он выберет: любовь или карьеру?..

Внезапно лифт дернулся и остановился. Девушка побледнела. Больше всего на свете она боялась замкнутого пространства. Но ее товарищ по несчастью не растерялся: включил на телефоне красивую мелодию и пригласил незнакомку на танец. Все остальное было уже не важно...